

18+

ХОЛОДОД ПОД ХОЛМОМ

АВТОР

ВАСИЛИЙ НИКИТЕНКОВ

Василий Никитенков

Холод под холмом

«Издательские решения»

Никитенков В. А.

Холод под холмом / В. А. Никитенков — «Издательские решения»,

Глубоко под вечной мерзлотой Якутии скрывается сооружение, которому не место на Земле. Когда научная экспедиция обнаруживает под древним холмом идеально правильную структуру неизвестного происхождения, её участники уверены, что стоят на пороге величайшего открытия в истории человечества. Они ошибаются. За чёрными стенами древнего города спит не артефакт и не исчезнувшая цивилизация. Там ждёт нечто, пришедшее со звёзд миллионы лет назад.

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Холод под холмом

Василий Александрович Никитенков

© Василий Александрович Никитенков, 2026

ISBN 978-5-0070-8348-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Пролог: Песнь о спящем.

Я помню холод. Не тот мороз, что кусает щёки в середине зимы, когда солнце лениво скользит по небу. И не ту стужу, что сковывает реки белым панцирем. Я говорю о другом холоде. О том, который старше первых снегов и глубже самой глубокой могилы. Это холод пустоты между звёздами, где нет ни света, ни звука, ни надежды. Этот холод спит глубоко под землёй у подножия нашего холма.

Мой народ называет этот холм *Улахан Кюель* — Большое Болото. Мы никогда не охотились на его склонах и не собирали там мох для оленей. Наши предки, чьи кости давно смешались с вечной мерзлотой, оставили нам строгий наказ: не тревожить то, что покоится в низу. Они были мудры. Они знали то, чего не знают эти новые люди со своими гудящими машинами и блестящими приборами.

Они пришли сюда недавно. Привезли сюда свои железные коробки, которые режут громче медведя-шатуна, и начали долбить промерзшую землю. Они смеются над нашими страхами, называют их суевериями. Их главный человек, человек с жестким лицом и глазами цвета льда, говорит только о науке и камнях. Он думает, что ищет древние артефакты. Он ошибается. То, что он найдёт, нельзя положить в стеклянную витрину музея.

Я видел знаки. Прошлой луной я ходил к границе лагеря. Ночью, когда ветер стих, я приложил ладонь к земле. Она дрожала. Но это была не дрожь землетрясения, которое ломает вековые лиственницы. Это было медленное, тяжёлое биение. Словно сердце размером с гору сделало один удар за тысячу лет. А в месте с этим биением пришёл звук. Он был беззвучным, но мои старые кости завибрировали от него, а зубы заныли так, будто я грыз лёд. В моей голове вспыхнули картины, которые не может видеть человеческий взгляд: города из чёрного базальта, вздымающиеся к чужому небу; океаны густой слизи, в которой копошатся бесформенные твари, и Он... Тот, кто лежит в основании всего этого.

Мы зовём Его спящим. Древние тексты, вырезанные на костях мамонта ещё до того, как первый человек научился добывать огонь, говорят, что Он пришёл со звёзд, когда наша земля была лишь кипящим камнем. Он построил свой город здесь, в самом сердце холода, и лёг в ожидании. Чего? Быть может, конца времён. Быть может, нас.

Эти глупцы разбудили Его. Своим шумом, своим светом они потревожили сон тысячелетий. Теперь Спящий ворочается во тьме. Скоро он откроет глаза.

И тогда придёт настоящий холод. Холод, который погасит солнце и обратит разум людей в прах. Они думают, что спускаются вниз к тайне. На самом деле они поднимают из бездны нечто настолько огромное и непостижимое, что само понятие *человек* покажется им жалкой шуткой перед лицом этой мощи.

Я стар. Мои дни сочтены. Я уйду в верхний мир раньше, чем случится пробуждение. Но я оставляю эту песнь тебе, мой потомок. Если ты читаешь эти строки, значит, я уже мёртв, а мир изменился.

Запомни главное: некоторые двери нельзя открывать. Некоторые сны нельзя прерывать. Потому что по ту сторону сна ждёт город, которому нет названия.

А теперь иди. Смотри на небо. Оно скоро измениться. Ибо Спящий просыпается.

Глава 1. Сигнал из-под льда.

Сибирь не когда не спит. Она лишь делает вид, что дремлет под многокилометровой толщей вечной мерзлоты, скованная стужей, которая старше самого человека. Но иногда она вздыхает, и этот вздох сотрясает землю так, что сейсмографы в Иркутске сходят с ума. Именно такой *вздох* зафиксировали приборы три месяца назад в ста километрах к северу от Якутска, в

безлюдной тундре у подножия одинокого холма, которые местные якутские племена испокон веков обходили стороной, называя его *Улахан Кюель*— Большое болото.

Научная экспедиция прибыла на место в середине сентября, когда солнце уже лениво катилось к горизонту, даря свет всего на несколько часов. Воздух был настолько плотным и холодным, что казался жидким стеклом, которое приходилось продавливать грудью при каждом вздохе. Мороз мгновенно прихватывал влагу в ноздрах, превращая дыхание в ледяные иглы.

Руководил группой доктор Игорь Валерьевич Громов, геолог с мировым именем, человек, чья вера в строгую материалистическую картину мира была твёрже гранита. Для него не существовало ни духов тайги, ни древних проклятий. Были только тектонические плиты, давление и время.

— Итак, коллеги, — его голос звучал глухо из-под толстой меховой парки. Он стоял на краю раскопа, глядя в низ на то, что георадар выдал как аномалию. — У нас есть показания. На глубине сорока метров находится объект правильной геометрической формы. Куб или усечённая пирамида со стороной около пятидесяти метров. Это невозможно. Природа не создаёт идеальных углов.

Рядом переминался с ноги на ногу молодой аспирант Кирилл. В отличие от своего руководителя, он вырос на книгах о мифах *Ктулху* и до сих пор испытывал почти детский трепет перед тем, ради чего они сюда приехали. Ему казалось, что даже воздух здесь пропитан чем-то чуждым, чем-то, что пахнет не озоном после грозы, а затхлой водой из давно пересохшего океана.

— А если это... метеорит? — робко продолжил он, пытаясь скрыть дрожь в голосе, которую списывал исключительно на мороз.

Громов хмыкнул, выпуская облако пара. — Метеориты круглые, Кирилл. Или бесформенные глыбы. Они не строят себе фундаментов. И уже точно не прячутся на такой глубине. Нет. Это рукотворное сооружение. Вопрос лишь в том, кто и зачем его построил миллионы лет назад.

Работа закипела. Экскаваторы сменялись бригадами рабочих с отбойными молотками. Вечная мерзлота сопротивлялась, но техника двадцать первого века оказалась сильнее. Сутки напролёт над тундрой стоял оглушительный рёв, заглушающий рёв ветра. Учёные работали по сменному, спали в утеплённых модулях, пили обжигающий чай и пытались игнорировать растущее чувство тревоги.

На пятый день, когда глубина котлована достигла тридцати семи метров, ковш экскаватора наткнулся на что-то твёрдое. Звук удара металла о камень разнёсся по округе, заставив всех замереть. Это был не обычный базальт или гранит. Звук был глухим, низким, словно удар пришёлся в гигантский бронзовый колокол, погребённый под землёй.

Валерий старший бурильщик, спустился вниз с фонарём. Луч света выхватил из полумрака идеально ровную, отполированную до зеркального блеска стену. Материал был чёрным, похожим на обсидиан, но с тусклым металлическим отливом, будто впитывающим свет. На поверхности не было ни единой трещины, ни одного шва. Казалось, эта плита была вырезана из единого монолита.

— Чисто, — доложил Валерий по рации. Голос его дрогнул. — Стена гладкая, как стекло. Ни царапины. И она тёплая.

Весть о том, что объект излучает слабое тепло в минус сорокаградусный мороз, заставила профессора Громова лично спуститься в котлован. Он провёл рукой в перчатке по чёрной поверхности. Она действительно была чуть тёплой. И ещё она вибрировала. Едва уловимо, на самой границе восприятия, но вибрация передавалась через перчатку прямо в кости, вызывая не приятное, зудящее ощущение где-то в районе затылка.

Кирилл настоял на своём участии в первой исследовательской группе. Вместе с профессором и техником Сергеем они начали расчищать участок стены, ища вход. Сергей прагматик до мозга костей, ворчал:

— Ну вот, нашли инопланетян. И что им скажем? Привет соседи?

Никто не смеялся. Атмосфера давила. Небо над головой казалось свинцовым прессом, готовым раздавить эту маленькую точку жизни посреди белой пустыни.

Вход нашёлся случайно. Когда Сергей пытался закрепить страховочный трос, его крюк-карабин соскользнул с гладкой поверхности и провалился в невидимую щель. Раздался тихий щелчок, похожий на звук сработавшего древнего механизма. По чёрной стене пробежала тонкая, едва заметная трещина, очертившая идеальный прямоугольник высотой в два человеческих роста.

Воздух, вырвавшийся из открывающегося проёма, был сухим и тёплым. Пахло пылью, металлом и чем-то ещё... Чем-то сладковатым и тошнотворным, напоминающим запах гниющих водорослей, выброшенных на берег миллион лет назад.

Профессор Громов включил мощный тактический фонарь. Луч света пронзил тьму коридора, уходящего вглубь сооружения. Стены туннеля были выложены шестиугольными панелями, которые складывались

в узор, вызывающий головокружение, если смотреть на него слишком долго. Геометрия была безупречной, но какой-то... неправильной. Углы между плитами казались острыми, но глаз отказывался фиксировать их точное положение в пространстве.

Сергей шагнул вперёд первым, подсвечивая путь. — Лестницы нет. Спуск крутой. Метров десять будет.

Они закрепили верёвки и начали спуск. Коридор вёл не просто вниз, а он изгибался, нарушая все законы евклидовой геометрии. Иногда луч фонаря упирался в потолок, хотя секунду назад светил прямо перед собой. Пространство внутри казалось больше, чем могло позволить внешнее строение. Оно дышало, пульсировало в такт той далёкой вибрации, которую они почувствовали снаружи.

Спустившись, они оказались в огромном круглом зале. Диаметр помещения определить было сложно — свет терялся во мраке. В центре зала возвышался пьедестал, на котором покоился единственный артефакт.

Это был кристалл. Идеальный октаэдр размером с человеческую голову, состоящий из материала, похожего на дымчатый кварц, но внутри него клубилась тьма. Не пустота, а именно концентрированная, живая чернота, которая медленно вращалась против часовой стрелки. От кристалла исходило слабое, пульсирующее свечение того же болезненно-сладковатого оттенка.

Кирилл подошёл ближе, завороченный. Его начало мутить. Зуд в затылке превратился в тупую, нарастающую боль. Он протянул руку, не в силах сопротивляться желанию коснуться этой красоты.

— **Не трогай!** — рявкнул Громов, хватая его за плечо.

В момент прикосновения профессора к плечу аспиранта зал наполнился звуком. Это не был акустический шум. Звук возник прямо у них в головах. Низкий, утробный гул, переходящий в подобие речи, состоящий из шипения, щелчков и ультразвуковых частот, от которых ныли зубы. Это не был язык в человеческом понимании. Это была чистая информация, попытка коммуникации существа, чей разум оперирует категориями, недоступными для человеческого восприятия.

Боль в голове Кирилла стала невыносимой. Перед глазами поплыли образы. Он увидел океан вязкой, чёрной слизи под чужим небом. Увидел города, башни которых пронзали немыслимую пустоту космоса, построенные существами с множеством конечностей и одним огромным, циклопическим глазом. Он услышал хор голосов, шепчущих на тысяче мёртвых языков одну о ту же фразу:

<<Йа! Йа! Шуб-Ниггурат! Чёрный Козерог Лесов с Тысячей Младых!>>

И последним, что отпечаталось в его сознании перед тем, как он потерял сознание, была мысль, пришедшая извне. Холодная, рациональная и абсолютно чуждая. Мысль:

Мы не первые. Мы — лишь пища времени.

Кирилл очнулся от резкого запаха нашатыря. Голова раскатилась, а во рту стоял металлический привкус крови — он прикусил язык, падая. Он лежал на спальнике в своей палатке. Над ним склонилось лицо профессора Громова, но оно было не таким, как обычно. На нём читался не гнев и не раздражение, а нечто совершенно иное. Страх.

— Как ты? — голос Игоря Валерьевича был хриплым. Профессор выглядел измождённым, под глазами залегли тёмные круги, которых утром не было.

— Что... что это было? — прошептал Кирилл, пытаясь сесть. Мир вокруг него всё ещё слегка покачивался, а перед закрытыми глазами вспыхивали остаточные образы: угловые башни, чужое небо, вязкая чёрная жижа.

Громов молча протянул ему планшет с открытой страницей. Текст был написан заглавными буквами, весь абзац представлял собой одну сплошную строку без пробелов и знаков препинания. Но хуже всего было то, что там было написано.

НАРУШЕНО СПОКОЙСТВИЕ СПЯЩЕГО ПРОБУЖДЕНИЕ НЕИЗБЕЖНО МЫСЛИТЕЛИ ПРИШЛИ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ КТО СКАЛА МТАККИХКАКВЫ МЫ ПОЖРАЛИ БЕЗЧИСЛЕНН

Кирилл почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Это был его подчёрк. Точнее его рука написала это, но разум... в тот момент находился где-то наверное далеко, записывая послание, которое транслировал кристалл.

— Сергей, — выдохнул Кирилл, вспомнив техника. — Где Сергей?

Профессор отвёл взгляд. — Он... он сошёл с ума сразу после того,

как мы выгнали тебя. Смеялся. Говорил бессвязные вещи про *чёрные звёзды* и *голод пустоты*. А потом... просто взял и ушёл. Прямо в тундру. Без шапки, без перчаток. Сказал что идёт домой, к отцу. Его отец умер двадцать лет назад в Архангельске. Мы искали его до темноты. Нашли только следы. Они обрываются посреди ровного снега. Будто он просто растворился в воздухе.

В этот момент пол под ними едва заметно дрогнул. Не землетрясение — слишком слабое, почти незаметное. Но вибрация была иной. Она отозвалась не в костях, а прямо в мозгу, вызвав мгновенный приступ мигрени у обоих. Из-под земли донёсся низкий, утробный гул, который быстро стих.

Громов схватил Кирилла за плечи. В глазах профессора плескалось отчаяние человека, чья картина мира рушилась на глазах. — Собирайся! — приказал он. — Мы сворачиваем лагерь. Немедленно. Я вызываю вертолёт. К чёрту финансирование, к чёрту открытия. Это место... оно проклято. Оно живое.

Они выбежали из палатки в сгущающиеся сумерки. Лагерь гудел, как растревоженный улей. Рабочие, напуганные исчезновением Сергея и странной дрожью земли, уже грузили оборудование. Паника заразительна, и рационализм учёных таял на глазах перед лицом первобытного ужаса.

Кирилл поднял голову и замер. Небо над холмом изменилось. Звёзды, которые должны были быть видны в ясную сентябрьскую ночь, отсутствовали. Вместо них над их головами простиралась абсолютная, непроницаемая чернота. Казалось, кто-то вырезал кусок космоса и накрыл им раскоп. И в центре этой чёрной дыры, прямо над вершиной холма, пульсировало тусклое багровое свечение, похожее на биение гигантского сердца.

А затем они услышали звук. С начало тихий, сливающийся с ветром, но становящийся всё громче. Это был хор. Тысячи голосов шептали на языке, который не предназначался для

человеческих глоток. Шипящие, щелкающие звуки складывались в слова, от которых стыла кровь: *<Фхтагн! Йа! Йа! Ктулху Р льех вгах нагл фхтагн!>*

Земля снова содрогнулась, на этот раз гораздо сильнее. Со склона холма посыпались камни. Вход в циклопическое сооружение, которое они оставили открытым, внезапно озарился изнутри ослепительным белым светом. Свет был настолько ярким, что казался твёрдым. Он вырвался наружу столбом энергии, ударив в центр чёрного пятна на небе.

И тогда холм начал расти.

Это происходило медленно, но отвратно. Земля вспучилась, словно под ней ворочалось нечто колоссальное. Древнее сооружение на боку холма начало покрываться сетью трещин, из которых сочилось то самое тошнотворное- сладковатое сияние. Воздух наполнился низким рёвом, переходящим в инфразвук, от которого внутренности сжимались в тугий узел.

Кирилл смотрел на это, парализованный ужасом. Все теории. Все книги о древних богах оказались правдой. Человечество было не венцом творения а лишь мимолётным видением в бесконечном сне чудовища.

Он перевёл взгляд на профессора Громова. Тот стоял рядом, опустив руки. Его научный атеизм разбился вдребезги. Игорь Валерьевич смотрел на вздымающийся холм и беззвучно шевелил губами. Он не молился. Он просто повторял одно слово, как заведённый механизм: — Невозможно... невозможно... невозможно...

Из недр земли раздался звук, похожий на треск ломающегося гранита размером с континент. Холм окончательно лопнул, осыпаясь тоннами мёрзлого грунта. И из провала начала подниматься она — конечность, описать которую человеческий язык не в силах. Она была одновременно похожа на щупальце осьминога, покрытого чешуёй, и на сегментированную лапу насекомого, увенчанную когтем, истекающим неземным светом. Эта лапа упёрлась в край котлована, обрушивая стенки и погребая под собой остатки лагеря.

Последним, что увидел Кирилл, прежде чем тьма поглотила его сознание, была эта исполинская фигура, выбирающаяся из своей вековой могилы на фоне багрового неба, и мысль, пришедшая извне, холодная и окончательная, как сама вечность.

Очередное пробуждение было похоже на выныривание из вязкого, чёрного омута. Кирилл не знал, сколько времени прошло — часы, дни или целая вечность. Первое, что он ощутил, — этот холод. Но не тот, что с наружи, а тот что шёл изнутри, от самого костного мозга. Казалось, его кровь превратилась в ледяную крошку.

Он лежал на боку, придавленный чем-то тяжёлым. Вокруг была абсолютная, крошечная тьма. Ни лучика света от фонарей, ни отблеска костра. Воздух был неподвижным и тяжёлым, пропитанным тем самым сладковатым запахом тлена и озона. Звуков не было. Ни воя ветра, ни гула техники. Только глухая, ватная тишина и далёкий. Едва уловимый пульс — медленный, тяжёлый ритм, от которого вибрировала сама земля.

Кирилл с трудом выбрался из-под завала. Он нащупал в кармане свой телефон. Экран вспыхнул ослепительным светом, заставив его зажмуриться. 03:14. Дата... дата не отображалась. Часы просто застыли на этих цифрах. Он включил фонарик.

Луч света выхватил из темноты картину полного разрушения. Палатки были смяты и разорваны, как бумажные. Оборудование — ноутбуки, геодезические приборы — превратились в груды искореженного металла и пластика. Но самое страшное было не это.

Стены циклопического зала исчезли. Они стояли не в рукотворном коридоре, а в гигантской, естественной пещере, своды которой терялись во мраке. А там, где раньше был выход на поверхность, теперь возвышалась гладкая стена из того же чёрного материала, сто и всё вокруг. Их замуравало.

— Профессор? Сергей? — хрипло позвал Кирилл. Его голос прозвучал жалко и одиноко. Ответом ему был лишь стук падающего где-то вдалеке камня.

Он пошёл вперёд, освещая путь дрожащим лучом телефона. Коридор изменился. Луч фонаря иногда выхватывал углы, которые физически не могли существовать в трёхмерном пространстве — они изгибались вовнутрь сами в себя. У Кирилла начала кружиться голова, к горлу подступила тошнота. Он чувствовал себя муравьём, ползущим по лабиринту, построенному не для него.

Наконец он услышал звук. Тихий плеск воды.

Пещера расширилась, превратилась в огромный грот. В центре его находилось подземное озеро с абсолютно чёрной водой, неподвижной водой. А у самой кромки воды сидел Игорь Валерьевич Громов.

Профессор выглядел так, словно постарел на двадцать лет за одну ночь. Его борода была всклокочена, глаза ввалились и горели лихорадочным блеском. Но самым пугающим было то, что он делал. Он не кричал и не плакал. Он был спокоен.

В руках он держал тот самый кристалл-октаэдр.

— Вы нашли его... — прошептал Кирилл.

Громов медленно повернул голову. Его губы растянулись в жуткой, блаженной улыбки. — Он сам меня нашёл, Кирилл. Он звал меня из темноты. Ты разве не слышишь? Он поёт нам колыбельную.

Профессор поднёс кристалл к уху, словно прислушиваясь к невидимому собеседнику. Они не чудовища, Кирилл. Мы для них — ничто. Как для нас — бактерии в капле воды. Мы называем это ужасом от непонимания. Но это... это просто высшая форма бытия. Они спали здесь миллионы лет, ожидая своего часа. И мы... мы их разбудили.

— Профессор, нам нужно выбирать! Там же... там же...

— Там Он, — перебил его громов с благоговением. — Древний. Тот-Кто-Ждёт-в-Холоде. Я видел Его во сне. Он показал мне истину. Вселенная бесконечна не только в пространстве, но и во времени. Циклы их сна и нашего бодрствования сменяют друг друга бесконечно. Мы думали, что изучаем прошлое... А на самом деле мы просто будим будущее.

Внезапно профессор замер. Его глаза расширились, уставившись куда-то за спину Кирилла.

— Смотри... — прошептал он одними губами.

Кирилл резко обернулся и направил луч фонаря на озеро.

Вода больше не была неподвижной. От центра озера расходились ровные круги. Что-то поднималось из глубины. Не всплывало, а именно выдвигалось, словно поршень исполинского механизма.

Сначала над поверхностью показалась гладкая чёрная макушка — сегментированный купол из того же материала, что и стены города. Затем — ряды острых шипов или плавников по бокам массивного тела. Существо было огромным: его туша занимала половину озера, но оно продолжало расти, поднимаясь всё выше и выше к сводам пещеры.

Оно не имело глаз в привычном понимании — лишь два глубоких провала на *лице*, в которых клубилась та же живая тьма, что и внутри кристалла.

Существо издало звук. Это не был рёв или крик. Это был ментальный удар такой силы, что Кирилл упал на колени, выронив телефон. Фонарик откатился в сторону и погас.

В его сознании взорвался калейдоскоп образов и ощущений: бесконечный холод межзвёздного вакуума; вкус протоплазмы миллиардов поглощённых миров; сознание настолько древнее и чуждое, что сама идея *жизни* казалась ему мимолётной забавой перед лицом вечной энтропии.

Последним образом было видение самого Кирилла со стороны — крошечная фигурка на краю подземного озера перед возвышающимся над ней колосом из чёрного камня и плоти.

Игорь Валерьевич Громов медленно поднялся на ноги. Он больше не был испуганным учёным. Его походка стала плавной, нечеловеческой. Он сделал шаг к кромке воды навстречу существу.

Тьма из провалов на лице чудовища вытянулась вперёд тонкими нитями-щупальцами и коснулась профессора. Раздался влажный хрустящий звук.

Кирилл закричал бы, но у него пропал голос. Он мог лишь смотреть сквозь пелену слёз на то, как тело профессора Громова начало меняться прямо на глазах: кожа становилась серой и пористой, кости трещали, перестраиваясь в новую форму.

Трансформация заняла несколько секунд. Перед озером стояло уже не человек. Это была пародия на человека: высокая гуманоидная фигура с длинными конечностями и гладкой головой без черт лица.

Существо повернуло свою безликую голову к Кириллу.

Беги, — прошелестело у него в голове чужим голосом.

Это было не предложение и не приказ от монстра. Это была последняя мысль профессора Громова, запертая внутри этой новой оболочки и каким-то чудом пробившаяся к своему ученику через пелену чужого разума.

Кирилл вскочил на ноги и побежал в темноту коридора прочь от озера, от света кристалла и от ужаса, что рождался в недрах земли под древним сибирским холмом. Позади него раздался звук шагов — тяжёлых, размерных шагов существа, которое когда-то было его наставником и которое теперь отправилось исполнять волю Древних в большой мир наверху.

Кирилл бежал в темноту лабиринта один, зная наверняка: кошмар только начался.

Кирилл бежал, не разбирая дороги. Его фонарик давно погас, и он продирался сквозь абсолютную тьму на ощупь, выставив руки перед собой. Каждый удар сердца отдавался в ушах гулким набатом, заглушая все остальные звуки — если они вообще существовали в этом мёртвом каменном мешке.

Он спотыкался о неровности пола, падал, обдирая ладони о шершавый, вибрирующий камень, и снова поднимался. В голове была только одна мысль: Беги. Просто беги. Образ изменившегося профессора преследовал его, заставляя двигаться даже тогда, когда мышцы ног горели огнём, а лёгкие разрывались от нехватки воздуха.

Коридор казался бесконечным. Он, то сужался до такой степени, что приходилось протискиваться боком, вызывая приступы клаустрофобии, то расширялся в циклопические залы, своды которых терялись во мраке над головой. И везде был этот узор — шестиугольные панели, складывающиеся в сводящий с ума орнамент. Чем дольше Кирилл смотрел на них, тем сильнее ему казалось, что узор медленно вращается, затягивая сознание в свой гипнотический водоворот.

На конец, впереди забрезжил свет. Не холодное сияние кристалла и не пульсирующий багрянец из недр земли, а обычный, тусклый дневной свет. Надежда вспыхнула в груди Кирилла с новой силой. Выдох!

Он выскочил наружу, жадно глотая ледяной воздух тундры. Зрение, привыкшее к темноте, резануло яркостью дня. Щурясь, он огляделся. Это было то же самое место, где стоял их лагерь... но лагеря больше не было. Палатки исчезли. Тяжёлая техника испарилась. Лишь огромный котлован зиял в склоне холма, словно открытая рана на теле земли. А рядом с краем раскопа стояла одинокая фигура.

— Сергей? — хрипло позвал Кирилл.

Фигура замерла. Затем очень медленно, механическими движениями повернула голову. У Кирилла перехватило дыхание. Глаза Сергея были абсолютно белыми, без зрачков и радужки. Они смотрели прямо на него, но взгляд был пустым, как у мёртвой рыбы.

Сергей растянул губы в улыбке, обнажая зубы, покрытые запёкшейся кровью. Он поднял нож, любуясь остротой клинка. — Острый, — проскрипел он голосом, похожим на звук

трущихся друг о друга камней. — Нужно быть острым. Чтобы резать ткань реальности. Отец учил меня.

Кирилл попятился. Споткнувшись, он упал на спину. Бывший техник легко поднялся на ноги и сделал шаг к нему. Нож в его руке описывал ленивые круги в воздухе.

— Ты тоже пришёл домой? — спросил Сергей, приближаясь. — Хорошо. Мы будем ждать вместе. Ждать, пока звёзды не займут правильное положение. Р льех восстанет...

Внезапно за спиной Сергея из тени холма выступила ещё одна фигура. Это был профессор Громов. Или существо, носившее его облик. Оно двигалось бесшумно и плавно, словно перетекая из одной точки пространства в другую. Гуманоидная форма остановилась позади безумного техника.

Существо-Громов вытянуло вперёд свою длинную руку и положило её Сергею на плечо. Тот мгновенно затих, выронив нож. Его тело начало сотрясаться в беззвучных конвульсиях. Белый свет в глазах померк, сменяясь той же клубящейся чернотой, что жила внутри кристалла.

А затем начался процесс. Кожа на лице Сергея пошла волнами, натягиваясь и опадая. Череп начал менять форму, раздаваясь вширь. Из лопаток вырвались два костяных шипа, прорвав куртку. Трансформация была быстрой и жестокой. Когда всё закончилось, перед Кириллом стояло уже второе такое же гладкое, безликое существо.

Оба монстра синхронно повернули головы к Кириллу. Их объединяло нечто большее, чем просто внешний вид. Между ними установилась связь, ментальный канал, по которому текли мысли Древних. Кирилл чувствовал это давление на свой разум — холодное, оценивающее сканирование.

Последний, — прошелестело в его сознании сразу двумя голосами.

Существо, бывшее профессором, сделало плавный жест рукой в сторону Кирилла. Второй монстр, бывший Сергеем, повиновался. Он двинулся на аспиранта, шаркая ногами по мёрзлой земле. В его движениях не было ни злобы ни эмоций — лишь слепое выполнение приказа.

Кирилл вскочил на ноги и побежал прочь от холма, в бескрайнюю белую пустыню тундры.

Позади он слышал тяжёлые шаги преследователя. Он знал, что это бесполезно. Ему не обогнать того, кто не знает усталости. Но инстинкт самосохранения гнал его вперёд, подальше от этого проклятого места, от этих тварей и от пробудившегося ужаса.

Он бежал, проваливаясь по колено в снег, задыхаясь, чувствуя, как расстояние между ними и существом сокращается. Шаги за спиной становились громче, ближе. Кирилл обернулся на бегу и увидел, что оно всего в десяти метрах. Безликая голова, длинные руки...

И вдруг тварь остановилась. Она замерла на краю невидимой границы. Сделала шаг назад, потом ещё один. Существа у холма не собирались отпускать его, и не могли последовать за ним. Возможно, их власть ограничивалась радиусом древнего города. Или им просто не было дела до одного убегающего человека.

Монстр (бывший Сергей) постоял секунду, глядя вслед Кириллу своими пустыми провалами глаз, а затем развернулся и так же размеренно зашагал обратно к холму, чтобы присоединиться к своему собрату.

Кирилл бежал, пока не рухнул от изнеможения в сугроб. Он лежал, уткнувшись лицом в холодный снег, и рыдал. Он остался один посреди ледяной пустыни, без связи, еды и тёплой одежды. Но хуже физической смерти было другое, знание, которое вы жгло в его мозгу калёным железом.

Они здесь. Они проснулись. И скоро весь мир узнает, что значит настоящий холод.

Кирилл не знал, сколько он пролежал в снегу. Время потеряло всякий смысл, став такой же вязкой и непостижимой субстанцией, как геометрия подземных залов. Он очнулся от того,

что холод перестал быть просто ощущением — он стал болью. Острой, всепроникающей болью, которая грызла его пальцы на руках и ногах, норовя превратить плоть в хрупкий лёд.

Он заставил себя подняться. Тундра вокруг была абсолютно безмолвной и белой до рези в глазах. Ни следа экспедиции, ни намёка на дорогу. Только одинокий холм *Улахан Кюель* чернел далеко позади, словно гнилой зуб в челюсти вечной мерзлоты. Кирилл отвернулся и пошёл наугад, молясь всем богам, чтобы компас в его голе указал верное направление.

Спустя вечность ходьбы, когда солнце уже начало клониться к закату, окрашивая снег в кроваво-красный цвет, он увидел дым. Тонкая струйка поднималась над линией горизонта. Люди! Надежда придала ему сил, которых, казалось, уже не осталось. Это был небольшой посёлок оленеводов — несколько деревянных домиков, окружённых стадом северных оленей.

Его заметили. Навстречу выехал снегоход, который управлял пожилой якут с обветренным лицом и мудрыми, всё понимающими глазами. Он не задавал вопросов. Молча помог Кириллу забраться на сиденье, укутал его в старую оленью доху и погнал машину к посёлку.

В тепле маленького дома, хлебнув горячего, жирного бульона из оленины, Кирилл наконец смог говорить. Он рассказал всё. Про раскопки, про вибрацию, про чёрный город, про кристалл, сводящий с ума, и про то, во что превратились его друзья. Старик слушал молча, лишь время от времени тяжело вздыхая и подкладывая поленья в железную печку-буржуйку. Его лицо оставалось бесстрастным.

Когда Кирилл закончил, в доме повисла тяжёлая тишина, нарушаемая только потрескиванием дров.

— Я говорил им, — наконец произнёс старик на ломаном русском. — Говорил: плохое место. Духи гnevаются. Они смеялись. Учёные люди. Всё знают. — Вы должны предупредить власти! Нужно вызвать армию, учёных... кого угодно! Их нужно остановить! Старик посмотрел на него долгим взглядом. — Ты видел их. Древних. Спящих. Ты думаешь, ружья людей могут их ранить? Ты думаешь, Бомбы могут убить то, что старше самого времени? Кирилл осёкся. В словах старика была ужасающая логика. Что может сделать человек против сущности, для которой целые цивилизации — лишь мимолётная пыль под ногами? — Но мы не можем просто сидеть и ждать! — в отчаянии воскликнул он.

— Мы не будем ждать, — спокойно ответил якут. — Мы уйдём. Прямо сейчас. Собираем вещи, уводим оленей. Есть другие пастбища, дальше на север.

Там безопаснее. — А как же вы?! Оставьте свои дома? — Это всего лишь дерево, — старик пожал плечами. — Дом можно построить новый. Жизнь — нет. Мой дед помнил песню о том, как небо однажды станет чёрным. Пришло время песни сбыться.

Они уходили ночью. Весь посёлок пришёл в движение. Женщины паковали скарб, мужчины запрягали нарты. Стадо оленей, почуяв перемену, волновались. Кирилл стоял на окраине поселка и смотрел назад. На *Улахан Кюель*.

И он увидел это.

Над вершиной холма больше не было обычного ночного неба. Оно пульсировало той самой глубокой, нездоровой чернотой, которую он видел перед тем, как потерять сознание в пещере. Чернота разрасталась, пожирая звёзды, словно клякса чернил на белом листе бумаги. А прямо из центра этой тьмы вниз бил столб мертвенно-белого света, упираясь точно в вершину холма. Земля вокруг светилась слабым фиолетовым сиянием, будто радиоактивная.

Затем земля содрогнулась. С вершины холма сорвался огромный пласт грунта и льда. И из образовавшегося провала медленно, неотвратимо начала подниматься **Она**.

Это была башня. Или колонна. Она не имела ничего общего с человеческой архитектурой. Её поверхность представляла собой хаотичное нагромождение угловатых сегментов, шипов и гладких, зеркальных граней. Башня росла вверх, пронзая небеса, становясь выше сопков, выше самых смелых фантазий конструкторов. Она казалась одновременно живой и

мёртвой, органической и механической. От неё исходила волна ментального давления такой силы, что Кирилл упал на колени, схватившись за голову.

В его сознании снова зазвучал хор шепчущих голосов, но теперь они были громче, увереннее.

<<Йа! Йа! Шуб-Ниггурат! Козел с Тысячей Младых!>> <<Фхтагн Ктулху Р льех!>>

Башня перестала расти. Наступила жуткая тишина. А затем по её поверхности пробежала рябь. Из гладкой стены проступали детали. Сначала появились два огромных, горящих холодным огнём провала. Затем — ряды костяных выступов, похожих на жабры или хитиновые пластины. Башня изгибалась, менялась, принимая форму титанического существа.

Перед потрясённым Кириллом восстал исполинский монстр. Его тело напоминало чудовищную смесь краба и дракона, покрытую чешуёй из чёрного камня. Десятки щупалец-манипуляторов извивались у основания, круша остатки холма. Голова венчалась чем-то вроде короны из постоянно движущихся острых шипов.

Существо издало звук, который не был звуком. Это был вопль чистого разума, от которого лопались стёкла в домах поселка и взрывались сосуды в мозгу. Это был крик рождения нового порядка.

Монстр медленно повернул свою циклопическую голову. Его взгляд — два колодца абсолютной пустоты — скользнули по тундре и остановился на горстке беглецов внизу. Он не видел их. Пока. Но он чувствовал жизнь. Тепло.

Старик-якут подошёл к Кириллу и положил руку ему на плечо. — Беги, учёный человек. Расскажи миру. Может, кто-то успеет спрятаться так глубоко, что даже Они не найдут. Уходи с нами.

Но Кирилл не мог бежать. Он был парализован ужасом и странным, болезненным любопытством. Он достал чудом уцелевший телефон. Связи не было. Тогда он включил камеру. Ему нужно было доказательство. Хоть какое-то.

Он навёл дрожащий объектив на гиганта. В видео на экране существо выглядело ещё более нереальным, искажённым линзой смартфона. Он нажал кнопку записи.

В этот момент одно из гигантских щупалец пришло в движение. Оно оторвалось от земли и начало медленно опускаться, указывая прямо на них. Не на весь поселок, а именно на ту точку, где стоял Кирилл. Щупальце было толщиной с железнодорожный вагон и длинной в километр.

— БЕГИ! — крикнул старик, толкая его в спину.

Кирилл развернулся и побежал вслед за караваном оленьих упряжек, растворяясь в ночной метели. Последним, что он услышал, был оглушительный треск льда и промерзшей почвы — звук шагов существа, которое сделало свой первый шаг по земле Сибири, направляясь на юг, к городам, полным тепла и жизни.

А в темноте экрана телефона продолжала записываться видео, запечатлевшая рождение кошмара, которому человечество не могло ничего противопоставить.

Кирилл бежал, не оглядываясь. Ветер хлестал по лицу ледяной крошкой, сбивая с ног, но страх перед тем, что двигалось позади, был сильнее стихии. Он слышал не шаги — земля содрогалась от тяжёлой, медлительной поступи, от которой в воздух поднимались облака пара. Это был звук неизбежности.

Он догнал караван оленьих упряжек уже на рассвете. Небо на юге, там, где остался холм, было чёрным как смоль, и эта чернота медленно расплзалась, пожирая рассветные краски. Старик-якут молча указал ему место на одной из нарт, Кирилл рухнул на шкуры, дрожа всем телом.

Они ехали день и ночь, почти не останавливаясь. Олени чуяли беду и не требовали понуканий. Кирилл то проваливался в тяжёлое, лихорадочное забытие, то просыпался от очередного подземного толчка. С каждым часом тьма на севере становилась гуще, а ментальное дав-

ление — сильнее. Оно давило на виски, вызывая тупую головную боль и приступы тошноты. В короткие моменты бодрствования Кирилл проверял телефон. Связи не было.

На третьи сутки они достигли окраины небольшого северного города. Это был перевалочный пункт, где заканчивалась тундра и начиналась цивилизация. Городок казался вымершим. На улицах не было ни души, лишь ветер гонял по асфальту обрывки газет и пластиковый мусор.

Старик остановил упряжку. — Дальше я не поеду, — сказал он. — Мой путь лежит к морю. А твой — туда, — он кивнул в сторону единственной асфальтированной дороги, уходящей на юг.

— Что там? Спросил Кирилл, кивая на пустые улицы. — Они уже здесь, — просто ответил старик. — Не в плоти. Их шепот в головах. Люди сходят с ума или просто... Замирают.

Кирилл поблагодарил его и пошел к городу. Он надеялся найти машину, бензин, связь. Но то что он увидел на центральной площади, заставило его застыть на месте.

В центре площади стоял человек. Или то, что когда-то было человеком. Эта была точная копия профессора Громова: тот же рост, та же одежда. Но кожа существа была гладкой и серой, а вместо лица — ровная поверхность без глаз, носа и рта. Оно стояло абсолютно не подвижно, словно статуя.

Вокруг него кольцом стояли жители города. Десятки людей. Мужчины, женщины, дети. Они тоже не двигались. Их глаза были широко открыты и пусты. Они смотрели на безликого гуманоида с выражением абсолютного, безумного обожания.

Существо медленно повернуло голову в сторону Кирилла.

Ментальный удар был подобен удару кувалдой по лбу. В сознании Кирилла хлынул поток образов — ещё более мощный и ясный, чем в пещере. Он увидел Землю из космоса, но она была другой: континенты имели иные очертания, над океанами парили летающие города из черного базальта. Он увидел существ — хозяев этого мира — их мысли были холодными и логичными, как математика хаоса. Они не были злом в человеческом понимании. Зло подразумевает эмоцию. Они были просто *другими*. Их целью было не завоевание, а восстановление своего древнего порядка.

Кирилл закричал и упал на колени, зажимая уши руками, хотя звук был у него в голове. Боль была невыносимой. — Нет! — прохрипел он сквозь стиснутые зубы.

Он собрал остатки воли и посмотрел прямо на существо-Громова. В его собственном разуме вспыхнул яростный протест. Он вспомнил всё: свою жизнь, науку, музыку, которую любил, вкус крепкого кофе по утрам... Всё то человеческое, что делало его им. Он собрал это в один сгусток ментальной энергии и швырнул его навстречу чужеродной воле.

Я НЕ ПРИМУ!

Это было похоже на попытку остановить цунами плевком. Давление усилилось до такой степени, что кровь пошла носом и ушами. Но на долю секунды ментальный барьер существа дрогнул.

Существо-Громов сделало шаг к нему.

В этот момент из-за угла здания выехал военный Урал. Кузов был полон солдат в зимнем камуфляже. Машина резко затормозила. — Всем лежать! Руки за голову! — прогремел голос из громкоговорителя.

Существо медленно повернуло голову к машине. **МЯСНЫЕ** — прозвучало в голове Кирилла насмешливое эхо чужой мысли.

Из кузова Урала выпрыгнули солдаты с автоматами наперевес. Они действовали четко, по уставу: заняли позиции, взяли существо на прицел. — На колени! Лицом вниз! Последнее предупреждение!

Существо не шевельнулось. Раздался треск автоматных очередей. Пули ударили в грудь гуманоида... и исчезли. Просто растворились в воздухе за миллиметр от его тела, словно наткнувшись на невидимое силовое поле.

А затем существо подняло руку. Оно даже не касалось машины. Урал просто начал сминаться сам по себе. Металл, скрежетал и рвался, как бумага под невидимым прессом. Кабину вдавило внутрь с влажным хрустом. Крики солдат оборвались через секунду. Через три секунды от боевой машины остался лишь бесформенный ком металла размером с чемодан.

Существо снова посмотрело на Кирилла. ТЫ СЛАБ, — констатировало оно и потеряло к нему интерес.

Гуманоид развернулся и зашагал прочь по улице в сторону шоссе, ведущего на юг — к большим городам, к миллионам людей. Жители города ожили и покорно последовали за ним живой процессией зомби.

Кирилл остался один посреди площади перед смятой грудой металла, которая ещё минуту назад была надеждой человечества на военное решение проблемы.

Он поднялся на ноги. Голова кружилась от кровопотери и ментального истощения. Он посмотрел на свой телефон в руке. Видеозапись всё ещё шла.

Он знал что должен делать.

Это видео было единственным доказательством для тех, кто не попал под влияние шепота Древних или чей разум был достаточно силен, чтобы сопротивляться ему несколько минут дольше других. Он должен был доставить его туда, где ещё остались люди со свободной волей.

Кирилл спрятал телефон во внутренний карман куртки и побежал к выезду из города — туда, где начиналась дорога на юг. Он бежал на встречу тому ужасу, что надвигался из Сибири, чтобы предупредить мир о его приходе.

Позади него черное небо над тундрой исторгало из себя ещё одну гигантскую фигуру — второе существо начало свой путь по земле вслед за первым.

Игра в прятки человечества со вселенной закончилась. Вселенная нашла их под кроватью.

Кирилл поймал попутку — старый, дребезжащий грузовик, водитель которого, пожилой дальнбойщик, выглядел на удивление нормальным. Он не застыл в трансе, как те люди в городе, и не бормотал о новом порядке. Он просто курил одну сигарету за другой и гнал машину на юг, матеря на чем свет стоит чертов метеозонд, из-за которого закрыли все аэропорты и пропала связь.

— В эфире полная тишина, — ворчал он, сплевывая в приоткрытое окно. — Только треск какой-то. Как будто помехи, но... с голосом. Шепчет что-то. Я радио выключил от греха подальше.

Кирилл молчал, вцепившись в сиденье. Он смотрел на дорогу через грязное лобовое стекло. Небо впереди было чистым, голубым. Но он знал, что это лишь иллюзия. Где-то там, за горизонтом, над Сибирью нависла непроницаемая черная пелена, пожирающая реальность. И два исполина шагали сквозь тундру и тайгу, оставляя за собой шлейф из покорных, безмолвных людей.

Они ехали несколько часов. Грузовик миновал несколько поселков. Везде была одна и та же картина: пустые улицы и редкие фигуры людей, стоящие неподвижно и смотрящие на юг. Это было похоже на массовый исход, развернутый вспять. Они не убегали от угрозы. Они шли к ней.

Связь так и не появилась. Телефон Кирилла показывал Нет сети.

Ближе к вечеру они наткнулись на блокпост. Но это были не военные. На обочине стоял черный внедорожник с тонированными стеклами, а дорогу перегораживала простая лента с красно-белыми флажками. Рядом стояли двое мужчин в строгих черных костюмах, совер-

шенно неуместных в этой глуши. На лацканах пиджаков у них поблескивали странные значки — сложные геометрические символы из полированного металла.

Водитель ударил по тормозам. — А это ещё кто? ФСБ-шники, что ли? Чего им тут...

Один из людей в чёрном поднял руку и плавным, неестественно медленным жестом указал на грузовик. Водитель замер с открытым ртом. Его глаза потеряли фокус, уставившись в одну точку.

— Эй! Ты чего? — Кирилл толкнул его в плечо. Водитель не реагировал.

Дверь внедорожника открылась, и оттуда вышел третий. Этот отличался от остальных. Он был стар, очень стар, но двигался с пугающей легкостью. Его седые волосы были собраны в хвост, а лицо испещрено глубокими морщинами, но глаза... глаза были ясными и пронзительными, как у хищной птицы.

Он подошел к грузовику со стороны пассажирского сиденья и посмотрел прямо на Кирилла через стекло. Улыбнулся тонкими губами.

Кирилл почувствовал знакомое давление на разум. Но это было не грубое вторжение Древних. Это было... вежливое касание. Словно кто-то аккуратно просунул руку в его мысли и начал там рыться.

Старик постучал костяшками пальцев по стеклу. — Опустить окно, Кирилл Андреевич. Нам есть о чем поговорить.

Кирилл, сглотнул. Откуда он знает его имя? — Кто вы?

— Скажем так... мы те, кто давно ждали этого дня. Мы — Хранители Спящих. Мы следили за холмом веками, чтобы никто не потревожил их покой. К сожалению, мы опоздали. — Вы... вы знали об этом? И ничего не сделали?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.